

ДРУЖБА КАК ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ В ФИЛОСОФИИ ОТЦА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

В статье рассматриваются взгляды отца Павла Флоренского на дружбу как истинное выражение любви личностей. Дружба как подлинная любовь имеет Божественный смысл. Это исходит из понимания того, что Бог есть Любовь. Совершенная Дружба соответствует пришествию Царства Божьего на землю, но для этого нужно добиться полного самопожертвования, изживания эгоизма в отношениях между людьми, приобщения к жизни Церкви Христовой. П. Флоренский в своем толковании феномена Любви продолжает религиозно-философскую православную традицию Святых Отцов, при этом он предлагает свою оригинальную теодицею.

Творчество мыслителей русского религиозного Ренессанса привлекает особое внимание. Каждый год выходят статьи, защищаются диссертации по творчеству В. Соловьева, Н. Бердяева, Б. Вышеславцева и многих других. Действительно, идеи Всеединства и Богочеловечества, мысль об одухотворении (обожении) всего тварного на основе всеобъемлющей божественной Любви на сегодня необходимы для улучшения культурной ситуации в стране, но это пока лишь потенция грядущих веков, питаемая надежда всех поколений живущих и живших на земле. На наш взгляд, эти чаяния имеют под собой реальное основание. Общий прогресс человечества можно связать с постепенным углублением понимания любви на всем протяжении нашей эры, и в этом, нет сомнений, и состоит Промысел Божий. Подтверждением этому является главное событие человеческой истории – Боговоплощение, которое было свидетельством величайшей любви Творца к своему творению. Любовь – лучшее доказательство бытия Бога. Тайна будущей эпохи открывается в пророческих книгах Библии: «Говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их, и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат брата и говорить: “познайте Господа”, ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого, говорит Господь, потому что Я прощу беззакония их и грехов их уже не вспомяну более» (Иер. 31:33-34).

С любовью связана тайна нашего бытия и тайна будет раскрываться все яснее и яснее. В этом и заключается **актуальность** статьи. Итак, именно христианская установка глубже раскрывает феномен любви, поэтому сочинения отца Павла Флоренского (1882 – 1937) как ревностного апологета христианства являются показательными. Кстати, в контексте вышесказанного отметим, что для П. Флоренского «фракционная перегонка» человека полностью совершится Духом Святым при конце веков. Наиболее исследованной проблема любви у мыслителя выявилась в работе «Столп и утверждение истины» (1914). В этой работе Флоренский постепенно подходит к раскрытию Столпа Истины. Огромное значение в этом трактате имеет одиннадцатое письмо «Дружба».

Цель данной статьи – проанализировать концепцию любви-дружбы отца П. Флоренского. Для начала отметим, что для П. Флоренского любовь – это познание божественной сущности, вхождение в Бога. Любящий выходит из своей конечной самости и обнаруживает тождество с другим «я». То же самое происходит со вторым, третьим и т.д., так что в конце концов все бесконечные процессы любви синтезируются в один акт. «Этот единый и бесконечный акт есть едино-сущее всех любящих в Боге» [1, с. 293].

П. Флоренский, начиная главу «Дружба», говорит: «Та духовная деятельность, в которой и посредством которой дается ведение Столпа Истины, есть любовь» [1, с. 294].

Итак, мы видим, что истинная любовь немислима без участия божественной силы: любя, мы любим только в Боге и через Бога, так как любовь ставит непременно условием преодоление себялюбия и вступление в новую область бытия, которое повсюду имеет отпечаток красоты. Бог – субстанциальный акт любви. Бог или Истина не только имеет любовь, но прежде всего «Бог есть любовь», т.е. любовь – это сущность Божия, собственная его природа, а не только присущее Ему отношение. Это личное любовное общение Отца со своими сынами. Бог есть Любовь, а не только «любящий», хотя бы и «совершенно» [1, с. 285]. На этот факт указывают все русские религиозные мыслители [2], [3]. Приобретение Истины – реальное вхождение в недра божественного Троиства. Только в любви мыслимо действительное познание Истины. И наоборот познание Истины обнаруживает себя любовью.

Любовь в философии имеет два вида трактовки: 1) онтологическая (Отцы Церкви, русский религиозный Ренессанс, платонизм); 2) психологическая (Лейбниц, Спиноза). Согласно психологическому подходу, любовь есть то же, что и вождление. На эту черту рационалистической философии указывал В. Эрн. Рационализм не различает лицо и вещь. Например, Спиноза смешивает любовь к лицу и вождление к вещи. П. Флоренский считает, что «варенье» и т.д. нельзя любить, а можно лишь желать: «Любовь возможна к лицу, а вождление к вещи» [1, с. 289]. Христианская любовь у П. Флоренского изъята из области психологии и передана в сферу онтологии (истины). Любовь учеников Христовых – знак хождения их в истине: «Потому узнают все, что Вы – Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ио. 13:35).

П. Флоренский отмечает, что двойным скрепом объединяется и сдерживается религиозное общество [4, с. 410]. Во-первых, это – личная связь, идущая от человека к человеку и опирающаяся на ощущение сверхэмпирической реальности друг друга у членов общества, как самобытных единиц, как монад. Во-вторых, этим скрепом бывает восприятие друг друга в свете идеи о целом обществе, и тогда все общество является объектом любви. Для античного общества такими двумя скрепами были эрос, как сила личная, и сторге, как начало родовое. Именно в них лежал метафизический устой общественного бытия. Напротив, естественной почвой для христианского общества, как такого, стали филия – в области личной, и агапе – в общественной. «Та и другая сила одухотворяется и претворяется, насыщаемая благодатью, так что даже брак, этот нарочитый приемник для сторге, и древняя дружба, где преимущественно являлся эрос, в христианстве окрасились в цвет одухотворенных агапе и филия» [4, с. 410]. Для П. Флоренского агапическая сторона христианского общества находит себе воплощение в христианской еkkлeсии, в приходе, в монашеской киновии (общежитии), но своим высшим выражением имеет вечерю любви, которая завершается мистериальным совкушением Пречистого Тела и Честной Крови. Филическая сторона воплощается в отношениях дружбы, расцвет свой находящих в сакраментальном братотворении и совкушении Св. Евхаристии и питающихся этим вкушением для соподвижничества, сотерпения и сомученичества. «Обе стороны церковной жизни, т.е. сторона агапическая и сторона филическая, братство и дружество, во многом протекают параллельно друг другу» [4, с. 411]. У философа встречаем такое определение, что Брат – тот, кто берет на себя крест другого. П. Флоренский считает, что на вершинах своих обе струи, братство и дружество, стремятся даже совсем слиться, ибо приобщение ко Христу через таинство Св. Евхаристии есть источник всякой духовности [4, с. 411]. Но для христианина всякий человек – ближний, но вовсе не всякий – друг [4, с. 412]. Отношения дружбы глубоко индивидуальны и исключительны. Так, даже Господь Иисус Христос называет апостолов свои-

ми друзьями лишь перед расставанием с ними, совсем на пороге своей крестной муки и смерти (Ио. 15:15), говоря заветные слова: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ио. 15:13). Чтобы иметь Друга, надо жить в среде братьев. «Надо хоть в одном человеке видеть себя, необходимо воспринимать в этом одном уже осуществленную победу над самостью. Таким одним и является Друг, агапическая любовь к которому есть следствие филической любви к нему» [4, с. 412]. «Но чтобы филическая любовь к Другу не выродилась в своеобразное себялюбие, чтобы Друг не стал просто условием уютной жизни, чтобы дружба имела глубину, необходимо проявление во-вне и раскрытие снаружи тех сил, которые даются дружбой, т.е. необходима агапическая любовь к братьям» [4, с. 412-413]. Для П. Флоренского филия в общецерковной экономике (где личности – «три меры муки», а Церковь – «женщина») есть «закваска», агапе же – предохраняющая от разложения «соль» человеческих отношений: без первой нет брожения, творчества церковного человечества, нет движения вперед, нет пафоса жизни, а без второй – нет собранности, чистоты, неповрежденности этой жизни, нет хранения устоев и уставов, нет уклада жизни [4, с. 413]. П. Флоренский уверен, что в области простого соработничества, товарищества Друг делается величиною большею по своей ценности, нежели последняя того эмпирически стоит. Далее П. Флоренский приводит цитаты из Священного Писания, иллюстрирующие библейские истины. «Двум лучше, чем одному... И нитка втрое сплетенная, не скоро порвется» (Ек. 4:9-12). Это относительно жизненной взаимопомощи. Самая близость друга радостна: «Масть и курение радуют сердце, но сладкая речь друга лучше душистого дерева» (Прт. Сол. 27:9). Истинный друг узнается лишь в несчастье: «Друг любит во всякое время и делается братом во время бедствия» (Прт. Сол. 17:17). Должно быть верным другу: «Не покидай друга твоего» (Прт. Сол. 27:10). Так говорит Премудрый, а Сын Сирахов высказывает ту же мысль полнее: «Не оставляй старого друга, ибо новый не может сравниться с ним: друг новый – то же, что вино новое; когда оно делается старым, с удовольствием будешь пить его» (Сир. 9:12-13). Помощь другу есть «приношение Господу» (Сир. 14:11), и потому «прежде, нежели умрешь, делай добро другу, и по силе твоей простирай твою руку, и давай ему» (Сир. 14:13); «не забывай друга в душе твоей, и не забывай его в имени твоём» (Сир. 37:6). Друзья связаны теснейшим союзом: «Иной друг более привязан, чем брат» (Прт. Сол. 18:24) [4, с. 414-415]. «Открывающий тайны потерял доверие, и не найдет друга по душе своей» (Сир. 28:16). П. Флоренский заключает, что высшее доверие, какое можно оказать человеку, – это, несмотря на худые суждения о нем, все же верить в него, т.е. принимать на вид лишь суждение его собственной совести, его собственные слова. «А высшее прощение – в том, чтобы и это приняв, вести себя так, как если бы не было ничего, забыть о происшедшем» [4, с. 415-416]. Такое доверие и такое прощение нужно оказывать другу. Вот почему друг – самое близкое к сердцу существо, вот почему Библия, желая указать на внутреннюю близость Авраама и Моисея к Богу, называет «другом Божиим» (Исх. 32:11, Иак. 2:23). Библия показывает и осуществление этого идеала дружбы в живой действительности. Примером такой связи является дружба Давида с Ионафаном: «Душа Ионафана прилепилась к душе его (Давида), и полюбил его Ионафан, как свою душу. Ионафан заключил с Давидом союз, ибо полюбил его, как свою душу. И снял Ионафан верхнюю одежду свою, которая была на нем, и отдал ее Давиду, также и прочие одежды свои и меч свой, и лук свой, и пояс свой» (1 Цар. 13:20). «Ты принял раба своего в завет Господень с тобою; и если есть какая вина на мне, то умертви ты меня» (1 Цар. 20:8, 17). «Давид пал лицом своим на землю, и трижды поклонился; целовали они друг друга, и плакали оба вместе, но Давид плакал более» (1 Цар. 20:41). «Быть без друга» таинственным образом соприкасается с «быть вне Бога». Дружба Давида и Ионафана предвосхищает трагическую дружбу Но-

вого Завета. Антиномия «агапе – филия» ярче выразилась в Евангелии [4, с. 417]. Все – избранные и из избранных избранные. Для П. Флоренского Евангелие – Книга, прозрачная как хрусталь, есть в то же время Книга за семью печатями (ни одного слова правильно нельзя понимать без «преданий старцев»). Проповедь Спасителя притчами доказывает эсotericичность христианства [4, с. 418], но не меньшее количество данных доказывает полную его эксotericичность. «Эксotericизм и эсotericизм не совместимы расcудочно и примиряются лишь в самой таинственной жизни христианской, а не в расcудочных формулах и рациональных схемах» [4, с. 418-419].

По мнению П. Флоренского, дружба имеет предел дробления – не атом, не семью как в языческой общине, а молекулу, т.е. пару друзей [4, с. 419]. С одной стороны, отдельная личность – все, но с другой – она – нечто лишь там, где «двое или трое». Для мыслителя абсолютно ценной личностью может быть не иначе как в абсолютно ценном общении. Духовная жизнь личности неотделима от предварительного ее общения с другими.

Призвав «двенадцать» учеников, Господь посылает их на проповедь по два с харизматическими дарами и властью над нечистыми духами. Религиозный философ считает, что духоносность (в нее входит ведение тайн Царства и чудотворение) вообще имеет основой пребывание учеников по два. ««Двое» – новое соединение химии духа, когда «один да один» преобразуются качественно и образуют третье («вскипящее тесто»)» [4, с. 420]. «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я есмь посреди них» (Мф. 18:19-20). Ведение тайн – это со-прошение двух согласившихся о всякой вещи на земле, т.е. вполне смиривших себя друг перед другом, вполне победивших противоречия и противомыслия и противочувствия до единосутия друг другу. «Со-прошение такое всегда исполняется», – говорит Спаситель. Потому что «собранность двух или трех во Имя Христово, совхождение людей в таинственную духовную атмосферу около Христа, приобщение Его благодатной силы претворяет их в новую духовную сущность, делает из двух частицу Тела Христова, живое воплощение Церкви» [4, с. 421]. Это есть симфония двух на земле о всяком деле, победа самости, единокровие двух. Таким примером служит попарное распределение апостолов (Андрей и Петр – двоица друзей).

Мера достижимости такой симфонии двух есть вместе и мера кротости. Самонадеянный Петр вопрошает Господа: «Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня, до семижды ли?». «До семижды» – символ плотской ограниченности. Другое дело – прощение греха против Духа (Самой Истины). П. Флоренский говорит, что в отношениях, ограниченных сколько-нибудь кратным прощением, вовсе нет христианской силы, это отношения недуховные. Господь отвечает: «Не говорю тебе: До семижды, но – до семижды семидесяти раз» (Мф. 18:22), т.е. бесконечно. «Чтобы осудить человека за грех против судящего, необходимо стать на высоту не человеческую, а божественную, т.е. знать тайны Божьи» [4, с. 422].

Ведать тайны Царства Божия можно лишь в полной любви, доходящей у двоих до симфонии во всем [4, с. 422]. В связи с этим П. Флоренский приводит евангельскую таинственную притчу о Боге и человеке (домоправителе неправедном) (Лк. 16:1-8). Сознавая виновным себя перед Богом, человек отпускает другим людям грехи и тем уменьшает меру своей виновности и других перед Богом. Неправедно прощая чужие грехи, мы более оправдываем себя, неправедных «сынов века сего». Это и есть богатство неправедное. Здесь П. Флоренский отмечает, что вина убавляется человеку не потому, что он хорош, не за его заслуги, а потому что Бог милосерд, долготерпелив и многомилостив. Итак, мера на случай отрешения от милости Божией – это обеспечить себе место в сердцах других людей, «в вечных обителях», т.е. создание дружеских связей. И тогда Господь похвалит нашу догадливость: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лк. 16:9) [4, с. 426].

Далее П. Флоренский переходит к анализу литературы святых Отцов. Мотив таинства любви подчеркивается у Блаженного Августина, который говорит: «Таинство любви (sacramentum caritatis) – высший мотив для жизни вдвоем» [4, с. 429]. П. Флоренский находит еще один мотив – люди слабы и нуждаются во внешней поддержке друга и в сдержке от искушений. Поэтому дружба выражается не в одном даянии, но в полном самопожертвовании и продолжительном сожителстве. Господь сказал не «дай» или «благодетельствуй», но «сделайся другом». Вместе с подчиненностью твари внутренним законам, данным ей Богом, и полнотою целомудрия, оно соответствует пришествию Царства Божия (Духа Святого) и одухотворению всей твари. П. Флоренский включает в свое повествование загадочный аграф Св. Климента Римского о том, когда придет Царство Господа: «Господь отвечает: Когда будет два – одним, и наружное, как внутреннее, и мужское вместе с женским – не мужским и не женским. Чтобы брат, увидев сестру, не помыслил о ней женского, ни она не помыслила чего о нем мужского. Это когда будете вы делать, то придет Царство Отца Моего» [4, с. 430]. Поэтому верно утверждает Григорий Богослов, что нет никакого приобретения лучшего, нежели друг, ведь Дружба не имеет пределов. Достояние одного делается достоянием другого.

Самое единомыслие ведет начало от Троицы, так как «Ей и по естеству всего свойственное единство и внутренний мир» [4, с. 432]. Авва Фалассий справедливо заметил, что Одна Любовь соединяет создания с Богом и друг с другом во единомыслие. Между любящими разрывается перепонка самости и каждый видит в друге как бы самого себя. «Дружеское единство – не порабощение, не уступчивость, это – именно единство» [4, с. 433]. Друзья чувствуют в одно чувство, желают в одну волю, думают в одну думу, говорят в один голос. П. Флоренский продолжает, что союз (alliance) совсем не то, что единосущное единство (unite). Други образуют двуединство, они – не они, а нечто большее – одна душа. Общая жизнь – это общая радость и общее страдание. В дружбе происходит созвучное радование и созвучное страдание [4, с. 434]. «Это не растворение индивидуальности, не принижение ее, а подъем ее, сгущение, укрепление и углубление» [4, с. 435]. Каждый из друзей для личности своей получает утверждение, находя свое Я в Я другого. Св. Григорий Нисский находит в дружеском утверждении верность: «Друг верен – кров крепок». Истинная дружба не знает предела, поэтому Св. Максим Исповедник подчеркивает: «Верный друг несчастья друга считает своими и терпит их вместе с ним, страдая до смерти». Все за всех отвечают и все за всех страдают. Св. Иоанн Златоуст эту мысль формулирует таким образом: «Имеющий друга – имеет другого себя». Разделенность в дружбе – лишь грубо-физическая, а в остальном это глубокое единокордие. П. Флоренский видит мощь и трудность службы – «не в фейерверочно-вспыхивающем подвиге минуты, а в неизменно-тепящемся терпении жизни». «Это тихое пламя елея, а не взрыв газа. Героизм – всегда лишь украшение, а не суть жизни. И как украшение, он непременно имеет свою законную долю рисовки. Героическое всегда живет за счет другого, питается соками, добытыми житейскостью» [4, с. 436].

Отец Сергей Булгаков в работе «Героизм и подвижничество» [5] пишет, что христианское подвижничество – непрерывный самоконтроль, борьба с низшими, греховными сторонами своего я, аскеза духа. Если для героизма характерны вспышки, искание великих деяний, то здесь, напротив, нормой является ровность течения, мерность, выдержка, неослабная самодисциплина, терпение и выносливость. Эти качества, по мнению С. Булгакова, отсутствовали у интеллигенции того времени. Верное исполнение своего долга, несение каждым своего креста (смирение, кротость, послушание), отвергнувшись себя (не внешне, а внутренне), с предоставлением всего остального Промыслу, – вот черты истинного подвижничества. С. Булгаков противопоставляет христианское подвижничество как истинное интеллигентскому героизму. Христианский святой – тот, кто и в наибольшей мере свою личную волю и всю свою эмпи-

рическую личность непрерывным и неослабным подвигом преобразовал до полноты воли Божией. Образ полноты этого проникновения – Богочеловек, пришедший «творить не свою волю, но пославшего Его Отца».

П. Флоренский продолжает, что дружеская любовь относится не к отдельным точкам духовного оживления (встречи, праздники), а ко всей жизненной, даже будничной действительности. «По отношению к герою одни удивляются, другие – им пренебрегают, одни увлекаются им, другие – ненавидят. Друг же никогда не удивляется своему другу и не пренебрегает им, не увлекается им и не ненавидит его. Он Любит, а для Любви бесконечно милой, бесценной и весь мир со всеми соблазнами его перевешивающей бывает именно эта, единственно эта любимая душа. Филия знает друга не по внешней обрисовке, а по его улыбке, по его тихим речам, по его слабостям, по тому как он обращается с другими людьми, по тому как он ест и спит» [4, с. 437]. Истая проба подлинности души – чрез жизнь вместе: «Так улыбнуться, так сказать, так утешить, как делает друг мой, может лишь один и никто более. Именно здесь проявляется глубинная святость» [4, с. 437]. Именно Дружба строится на улыбках. П. Флоренский обобщает: «Дружба – созерцание себя через Друга в Боге, видение себя глазами другого, но пред лицом третьего» [4, с. 439]. Друг – не только я, но и другое я, другой для я: «Любя я хочу не того, что сам я есть» [4, с. 440].

Бог имеет совершенную любовь: Он богат Сыном Своим, Которого Любит. При этом Дружба дает не только богопознание, но и самопознание. В христианстве в отношениях между личностями особую роль играет поцелуй. Друзья теснее друг к другу при поцелуе: «Люди становятся как бы тело едино и душа едина. “Вместе” любовь – не только отвлеченная мысль, но и тесноты в касании (поцелуй)» [4, с. 441]. Поцелуй – духовное объединение целующих друг друга лиц. Поэтому надо будничную жизнь просветить и пронизать близостью, и тогда у христиан явятся новые, неслыханные силы, побеждающие Сатану. Св. Поликарп Смирнский связывает близость с любовью-агапе: «Имеющий любовь Агапе, далек от всякого греха» [4, с. 442]. Иоанн Златоуст же истолковывает всю христианскую любовь как дружбу. Он призывает беречь жизнь другого как свою собственную, иметь готовность броситься в геенну за друга [4, с. 444]. П. Флоренский постоянно подчеркивает, что Дружба – это сонесение тягостей друг друга, несение креста друга своего, верность и твердость до конца, до «кровей мученических» [4, с. 445]. Ведь в жизни много соблазнов отступить от Друга: кто порвал одни, тот порвет и другие отношения, потому что путь подвига подменен у такого человека стремлением к душевному комфорту. Более того, П. Флоренский считает, что от слез, пролитых из-за дружбы, она делается лишь прочнее. «Слезы – цемент дружбы, они струятся от немогущей выразить себя любви и от огорчений, причиненных другом. Чем больше дружба, тем больше слез, а чем больше слез, тем больше дружбы» [4, с. 445]. Скорбь – главная пища любви: «Друг по-милу хорош, а не по-хорошу мил, поэтому внешний домогается дела, а друг самого меня» [4, с. 446]. В практической жизни получать полноту трудно, ибо нужно сперва принять самого Друга, и в нем найти полноту, а Друга нельзя принять, не отдавая себя. Для обыденного сознания это будет звучать так: «Не твое люблю, а Тебя!».

В последнем письме работы «Столп и Утверждение Истины» П. Флоренский обращается к понятию ревности. В ходячем словоупотреблении ревность – порок или нравственный недостаток, сопровождающийся гордыней, корыстью и завистью [4, с. 464]. Ревность здесь устраняется из любви. Но для П. Флоренского ревность – сама любовь, необходимое условие и неременная сторона любви, – но обращенная к скорби, так что желающий уничтожить ревность уничтожил бы любовь. Вся Библия насыщена и пронизана ревностью Божиею [4, с. 470]. Любовь как свободное избрание из многих личностей «я» тесно связана с ревностью. Дружба как истинная Любовь исключительна,

она обращена лишь на одного человека. Но даже если «Ты» бывает много, то все-таки к каждому, при любви, отношение – как к единственному. И вот здесь необходима ревность для того, чтобы поддерживать пламень Любви. Этимология только подтверждает метафизический анализ. Ревность – сила и напряжение, рвение, стремление, необходимая сторона сильной любви, сила, осуществляющая добрые желания (Исаак Сирий). «Стремление к Столпу и Утверждению Истины осуществляется и сохраняется ревностью» [4, с. 482].

Выводы

Итак, в философии П. Флоренского дружеская любовь выражается в преодолении границ самости, в выхождении из себя, для чего нужно духовное общение друг с другом. Это осуществляется при действии силы Божией. В силу этого выхождения Я делается единосущным брату, а не только подобносущным. В истощении Я (кенозисе) происходит восстановление Я в свойственной ему норме бытия. Дружбу характеризует жертвенная любовь, жизнь вместе («со-»), киновия (сожительство). В этом и проявляется истинное христианское подвижничество. Таким образом, истинная Любовь есть истинная Дружба.

ЛИТЕРАТУРА

1. Флоренский П.А. Столп и Утверждение Истины / П.А. Флоренский // Русский Эрос, или Философия любви в России. – М. : Прогресс, 1991. – С. 284-306
2. Миргородский А.А. Религия любви Семена Франка / А.А. Миргородский // Наука. Релігія. Суспільство. – 2010. – № 3. – С. 32-36.
3. Лосский Н.О. История русской философии / Лосский Н.О. – М. : Высшая школа, 1991. – 559 с.
4. Флоренский П.А. Столп и Утверждение Истины / П.А. Флоренский // Сочинения : в 2 т. – М. : Правда, 1990. – Т. 1. – С. 393-483.
5. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) / С.Н. Булгаков // Вехи. Из глубины. – М. : Правда, 1991. – С. 31-72.

А.О. Миргородський

Дружба як істинна Любов у філософії отця Павла Флоренського

У статті розглядаються погляди отця Павла Флоренського на дружбу як істинне вираження любові особистостей. Дружба як справжня Любов має Божественний смисл. Це випливає з того, що Бог є Любов. Досконала Дружба відповідає пришестю Царства Божого на землю, але для цього потрібно добитися повної самопожертви, подолати егоїзм у стосунках між людьми, пристосуватися до життя Церкви Христової. П. Флоренський у своєму тлумаченні феномену Любові продовжує релігійно-філософську традицію Святих Отців, при цьому він пропонує свою оригінальну теодицею.

А.А. Mirgorodskiy

Friendship as True Love in the Philosophy of Father Paul Florensky

In the article the ideas of Father Paul Florensky to friendship as true expression of persons' love are considered. The friendship as real love has Divine sense. It starts with the understanding, that the God is Love. Perfect Friendship corresponds to coming of the Kingdom of heaven to the earth, but for this purpose it is necessary to achieve full self-sacrifice, to relinquish egoism in relation between people, familiarizing with the life of the Church of Christ. P. Florensky in his interpretation of a phenomenon of Love continues religious-philosophical orthodox tradition of Holy Fathers and at the same time he offers his own original theodicy.

Статья поступила в редакцию 23.12.2010.